

Научная статья

УДК 111.1 ; 165.0 ; 17.03

DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-5-28

Контекстуальный моральный реализм

Игорь Евгеньевич Прись

Институт философии НАН Беларуси

Минск, Беларусь

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Мы утверждаем, что подлинная философия морали – реалистическая, а подлинный реализм – контекстуальный реализм (к-реализм). Таким образом, мы вводим позицию контекстуального морального реализма (КМР). Это наша интерпретация морального реализма Ж. Бенуа в терминах философии позднего Витгенштейна. Структура к-реализма – структура провала между идеальным (правилом, нормой, концептом) и реальным. Это также структура витгенштейновской проблемы следования правилу. Соответственно, структура КМР – структура применения моральной нормы к реальности. Нормы, включая моральные, определяются и применяются в контексте. Применение моральной нормы предполагает моральную восприимчивость к контексту, который не является внешним по отношению к ней. КМР – критика морального объективизма, игнорирующего моральную онтологию, а также метафизического морального реализма (платонизма) и натуралистического морального редукционизма, игнорирующего контекстуальное (подлинно нормативное) измерение морали. Мы также устанавливаем сходства между моральным реализмом Т. Уильямсона и моральным реализмом Бенуа, несмотря на различие в их подходах: для Бенуа философия – концептуальный анализ, а Уильямсон не видит принципиальной разницы между научным и философским познанием. В частности, аргумент Уильямсона против морального инференциализма соответствует аргументу Бенуа против «нового морального реализма» М. Габриэля, а его аргумент в пользу непосредственного морального знания посредством перцептивного восприятия (опознания) и морального знания, полученного от свидетеля, – контекстуальному аргументу, апеллирующему к моральной восприимчивости.

Ключевые слова

моральный реализм, объективизм, контекстуальный реализм, витгенштейновское правило, контекстуальный моральный реализм, моральная восприимчивость, моральный контекст, моральное знание, метафизический моральный реализм, натуралистический моральный редукционизм, моральные нормы, моральная онтология

Для цитирования

Прись И. Е. Контекстуальный моральный реализм // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 5–28. DOI 10.25295/2541-7517-2023-22-4-5-28

© Прись И. Е., 2023

Contextual moral realism

Igor E. Pris

*Institute of philosophy of National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus*

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Abstract

We argue that genuine moral philosophy is realist, and genuine realism is a contextual realism. Thus, we introduce the position of a contextual moral realism. This is our interpretation of J. Benoist's moral realism in terms of Wittgenstein's later philosophy. The structure of the contextual realism is the structure of the gap between the ideal (rule, norm, concept) and the real. It is also the structure of Wittgenstein's rule-following problem. Accordingly, the structure of the contextual moral realism is the structure of the application of a moral norm to reality. Norms, including moral norms, are defined and applied in context. The application of a moral norm implies moral sensitivity to a context that is not external to the norm. The contextual moral realism is a critique of moral objectivism, which ignores moral ontology, as well as metaphysical moral realism (Platonism) and naturalistic moral reductionism, which ignore the contextual (genuinely normative) dimension of morality. We also establish similarities between T. Williamson's moral realism and Benoist's moral realism, despite the difference in their approaches: for Benoist, philosophy is conceptual analysis, while Williamson sees no principal difference between science and philosophy. In particular, Williamson's argument against moral inferentialism corresponds to Benoist's argument against M. Gabriel's "new moral realism", and his argument in favour of moral knowledge by sensory perception and by testimony corresponds to contextual argument appealing to moral sensibility.

Keywords

moral realism, objectivism, contextual realism, Wittgensteinian rule, contextual moral realism, moral sensibility, moral context, moral knowledge, metaphysical moral realism, naturalistic moral reductionism, moral norms, moral ontology

For citation

Pris I. E. Contextual moral realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 4, p. 5–28 (in Russian) DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-5-28

Добродетель не может быть отделена от реальности, не превратившись в принцип зла. Точно так же она не может быть полностью отождествлена с реальностью, не отрицая самое себя. (...) Мера, противостоящая этому разладу, учит нас, что всякой морали необходима доля реальности – всякая чистая добродетель убийственна, – а всякому реализму необходима доля морали: цинизм так же убийствен. Вот почему гуманистическая болтовня не более основательна, чем циничная провокация.

А. Камю. Бунтующий человек

Введение

Основная проблема философии понимается нами как проблема отношения между сознанием (интеллектом, концептуальными схемами, смыслом) и реально-

стью¹. Предлагаемая в статье позиция контекстуального реализма (к-реализма) трактует эту проблему как проблему отношения между идеальным и реальным. Структура к-реализма – структура категориального провала между идеальным и реальным. Это также структура витгенштейновской проблемы следования правилу, т. е. структура провала между (идеальным) правилом и его (реальным) применением – витгенштейновской языковой игрой. Структура инстанцируется в различных разделах философии: в философии сознания (проблема объяснительного провала), в эпистемологии (проблема доступа к реальности), в философии квантовой механики (проблема измерения), в философии математики (теоремы Гёделя о неполноте, проблема неформальных доказательств) и так далее [Прись, 2020; 2022a; 2023]. В философии морали эту структуру имеет проблема перехода от сущего к должному.

В статье мы утверждаем, что подлинная философия морали – реалистическая, а подлинный реализм (позиция реализма не может быть конвенциональной; реализм не в том, чтобы что-то просто объявить «реальным») – к-реализм. Таким образом, мы вводим позицию контекстуального морального реализма (КМР). Структура КМР – структура применения контекстуальной моральной нормы к реальности. И наоборот: контекстуальный реализм *simpliciter* имеет моральное измерение, так что в известном смысле КМР и к-реализм – эквивалентные позиции.

В §1 мы вводим и обосновываем позицию «контекстуальный реализм» (к-реализм). Это критическая, терапевтическая позиция, имеющая метафизическое измерение: мы способны познавать сами вещи – познание и есть познание самих вещей, – а вместо потустороннего («внешнего») материального или платоновского идеального мира постулируется возникновение концептуальности / нормативности в самой чувственной реальности как некоторого движения от одного чувственного к другому [Benoist, 2020]. К-реализм систематически прибегает к концептуальному анализу в том смысле, в котором мы иллюстрируем его применение на примере анализа традиционных идеалистической и реалистической позиций в §2. В §3 мы вводим и обосновываем позицию контекстуального морального реализма (КМР). Это наша интерпретация морального реализма Ж. Бенуа в терминах философии позднего Витгенштейна [Benoist, 2022]. КМР – критика морального объективизма, игнорирующего моральную онтологию, а также метафизического морального реализма (платонизма) и морального (натуралистического) редукционизма, игнорирующего контекстуальное (подлинно нормативное) измерение морали. В §4 мы сравниваем моральные реализмы Бенуа и Т. Уильямсона и устанавливаем сходства между ними, несмотря на различие в подходах: для Бенуа философия – не наука, а концептуальный анализ, тогда как аналитический философ Уильямсон не видит принципиальной разницы между научным и философским познанием. В частности, аргумент Уильямсона против морального инференциализма имеет сходства с аргументом Бенуа против «нового морального реализма» М. Габриэля, а его аргумент в пользу непосредственного морального знания посредством перцептивного восприятия (опознания) и морального

¹ Марксистская философия трактовала «основной вопрос философии» как вопрос об отношении сознания (мышления, духа) к материи (бытию, природе).

знания, полученного от свидетеля, соответствует контекстуальному аргументу, апеллирующему к моральной восприимчивости.

1. Контекстуальный реализм

Мы определяем контекстуальный реализм (к-реализм) как комбинацию 1) формального реализма и 2) категориального дуализма. 1) Концепт реальности – важный и логически первичный объяснительный концепт, грамматика которого имеет следующий вид: реальность просто такова, какова она есть; это то, что есть²; 2) правила, нормы, концепты, смысл идеальны; они не часть реальности, а вырабатываются и, соответственно, укоренены в опыте, реальности, контексте, имеют реальные контекстуальные условия своего существования и применения³ [Прись, 2020; 2021; 2022а; 2022б; 2023]. Как станет ясно из дальнейшего, комбинация этих двух положений эквивалентна положению, что онтология (а, следовательно, и эпистемология, и семантика) чувствительна к контексту⁴.

Идеальное объективно – так сказать, объективно существует благодаря своей укоренённости в реальности⁵, – но не реально⁶. Реальное существование имеют элементы мира, или формы жизни, – нормированной, концептуализированной, «прирученной» части реальности.

Мы, таким образом, делаем различие между миром и реальностью. Но это различие не есть отрицание того факта, что мир, структуры и объекты мира, свойства объектов и отношения между ними реальны в полнокровном смысле. Подобным же образом различие, которое делает, например, А. Шопенгауэр между «представлением» (аналогом кантовской вещи-для-нас) и «волей» (аналогом кантовской вещи-в-себе) не означает, что «мир как воля» отличен от «мира как представление». Это один и тот же мир (реальность). Представление – представление «воли» [Шопенгауэр, 2020].

Нормативную структуру формы жизни (мира) Витгенштейн называет грамматикой. Так называемые витгенштейновские «петлевые предложения» (ПП) – наиболее фундаментальные составляющие грамматики, – как и грамматика в целом, имеют варибельный статус: эмпирические предложения могут превращаться в нормативные и наоборот. Понятие ПП полезно, например, при рас-

---

² Это определение реальности можно также назвать минимальным или грамматическим (логическим).

³ Определение предполагает, что реальность первична и в метафизическом смысле (идеальное вторично). На эпистемологическом уровне первичным является знание как в метафизическом, так и в объяснительном смысле. Об идеальном можно рассуждать в эволюционных терминах. Но мы не будем останавливаться на этом вопросе.

⁴ Можно различать существование (бытие) и реальное существование. Следует, например, различать существование в реальном контексте и существование в воображаемом контексте. Реальное существование, однако, играет парадигматическую роль в определении того, что существует.

⁵ Это соответствует позиции экстернализма в эпистемологии и философии сознания.

⁶ Например, для метафизического платонизма – своего рода двойника метафизического (объектного) реализма внешнего мира – идеальное реально. Эта позиция субстанциализирует нормы в виде идеальных форм или идей, имеющих способ существования *sui generis* и познаваемых при помощи специфической интеллектуально-созерцательной интуиции.

смотрении проблемы глубоких разногласий и, в частности, глубоких моральных разногласий⁷.

Основную проблему философии можно представить как проблему отношения, «провала» между идеальным и реальным. Структура этой проблемы и есть структура к-реализма. По сути это проблема применения правила / концепта / нормы (три понятия тесно взаимосвязаны) к реальности – витгенштейновская проблема следования правилу (применения нормы, концепта). Мы будем говорить о витгенштейновском правиле (в-правиле), или просто правиле⁸.

Применение в-правила – нормативная практика, управляемая этим правилом, или витгенштейновская языковая игра (ЯИ). В-правило неотделимо от языковых игр своих применений, между которыми имеется семейное сходство (поскольку речь идёт о применении одного и того же в-правила), укоренено в них, соответствующей форме жизни, реальности.

Следование правилу (применение нормы, концепта) чувствительно к контексту, т. е. не предопределено, за исключением автоматически воспроизводимых парадигматических случаев его применения в рамках устоявшейся формы жизни, но обосновываемо (при помощи этого же правила) *post factum*, т. е. объективно корректно или нет. Например, суждение – парадигматический пример ЯИ – является объективно корректным или нет. Знание как результат применения эпистемических норм объективно и выражается суждением. Совершаемое интенциональное действие является объективно успешным или нет⁹. И так далее. (Всё сказанное относится как к теоретической, так и практической областям.)

Ссылаясь на Бенуа, мы можем также определить реальность как то, к чему применяются нормы, т. е. в-правила, если употребить нашу терминологию. Такие применения, ЯИ, имеют платоново-аристотелевскую структуру явления («феномена»), предполагающего различие между реальностью (корректным применением нормы; идеальная норма, таким образом, играет роль нормы реальности) и видимостью, которая может совпадать с реальностью или же быть иллюзорной, т. е. удовлетворять или не удовлетворять норме. Явление предполагает наличие суждения, мнения, которое может быть истинным или ложным.

Первичный чувственный опыт (фр. *le sensible*) не явление, так как он не имеет нормативного / концептуального измерения, не является, не дан. Между ним и реальностью нет никакой дистанции. Явления вторичны, предполагают определённый нормативный диспозитив. Бенуа пишет: «*Pas de phénoménalité sans dispositif de phénoménalisation* (au sens de: transformation en “phénomènes” de choses qui, par elles-mêmes, n'en sont pas). Le phénoménalisme des modernes (et des post-modernes) comme sa figure inversée, l'absolutisme qu'on pourrait appeler post-post-moderne sont fondés sur l'ignorance de cette *fabrique du phénomène*.» (Наш перевод: «Нет феноменальности без диспозитива феноменализации (в смысле преобразования в “явления” вещей, которые сами по себе ими не являются). Феноменализм модерна

⁷ Таким образом, к-реализм позволяет интерпретировать и интегрировать в себя петлевую эпистемологию Л. Витгенштейна.

⁸ ПП – наиболее общие в-правила.

⁹ В терминологии Гуссерля интенция наполняется или нет. В нашей терминологии соответствующая норма (в-правило) удовлетворяется или нет. Знание можно трактовать как эпистемическое действие. Для Витгенштейна знание – ЯИ.

(и постмодерна), как и его противоположность (*figure inversée*), абсолютизм, который можно назвать *пост-постмодернистским*, основаны на игнорировании (...) *фабрики явления*)» [Benoist, 2023a, p. 214].

Всякое применение в-правила/нормы, в частности всякое суждение, контекстуально и предполагает наличие ангажированного субъекта, который несёт за него ответственность. Контекст и есть там и только там, где есть нормативное движение в реальности, где возникают различия, концептуальное измерение. Можно также сказать, что контекст – это сама локальная реальность, которая никогда не может быть исчерпывающим образом описана. Поэтому контекст не может быть внешним по отношению к применению в-правила¹⁰. Само определение последнего неотделимо от контекстуальных ЯИ его применений, задаётся ими. Будучи действиями (теоретическими или практическими), ЯИ первичны. Поэтому провал между в-правилом (нормой, концептом) и его применением в новом контексте, корректной ЯИ, управляемым этим правилом, закрыт с самого начала. Так называемая проблема следования правилу, которую можно также назвать проблемой доступа к реальности, или проблемой провала между идеальным и реальным, – псевдопроблема.

В явлении, т. е. в рамках (нормативной) языковой игры, идентифицируется, даётся, является тот или иной объект (подлинный или иллюзорный) в широком смысле¹¹. Различие между кантовской вещью-для-нас (явлением) и вещью-в-себе исчезает, так как подлинные явления не автономны, как это хочет считать феноменология, не анализирующая концепт явления, принимающая его в качестве первичного понятия, а укоренены в реальности. К-реализм не пытается преодолеть трансцендентализм и феноменологию, как если бы последние порождали реальные проблемы, а не псевдопроблемы, а просто отвергает их предпосылки.

Таким образом, в-правило / норма / концепт измеряет реальность в рамках языковых игр своих применений – явлений. Концепты идентифицируют (нормы измеряют) элементы реальности, вещи – то, что есть, каким оно есть и было до своей идентификации (измерения), но до неё (него) не имело идентичности (хотя у вещей есть самость), не было предопределено, не располагалось, так сказать, напротив субъекта во внешнем мире – понятие, которое к-реализм считает бессмысленным (внешний по отношению к чему или кому? Мы сами часть реальности). Вещь первичнее объекта. В одной и той же вещи в разных контекстах можно идентифицировать бесконечное множество различных, несовместимых друг с другом объектов, о которых, таким образом, не имеет смысла сказать, что они располагаются во внешнем мире напротив наблюдающего их субъекта.

Что касается субъекта и субъективности, то они тоже имеют реальные условия своего существования. Для нашего к-реализма субъект – логический элемент в языковой игре измерения реальности, имеющей практическую, когнитивную и опытную составляющие. Субъект действует, познаёт и испытывает опыт, ко-

¹⁰ Существенное различие между контекстуализмом Бенуа и, например, контекстуализмом Габриэля в философии морали как раз в том, что для немецкого философа контекст является чем-то внешним по отношению к априорным моральным принципам.

¹¹ Объект в широком смысле определяется нами как то, что имеет идентичность (объективность). Это, вообще говоря, не традиционный отслеживаемый пространственно-временной объект. Объектами в широком смысле являются, например, квантовомеханические объекты.

торым сопровождается всякое употребление (концепта, правила, нормы). Аналогичным образом, согласно реалистической трактовке Бенуа, субъект имеет практическое / агентное измерение (он действует), эпистемическое (он познаёт) и аффективное / эмоциональное (он чувствует, его действие оказывает влияние и на него самого). Такая трактовка противостоит субъективистской антиреалистической / идеалистической (пост)модернистской трактовке субъекта, так как предполагает принятие во внимание многочисленные способы употребления реальности, т. е. ЯИ. Бенуа пишет: «Le sujet est celui qui use des choses, mais aussi qui, et usant d'une certaine façon, est capable de gagner et d'aménager une *vue* sur certaines d'entre elles, et aussi à qui le fait d'en user comme il en use fait un certain *effet*.» (Наш перевод: «Субъект – это тот, кто *употребляет* вещи, а также тот, кто, употребляя их определенным образом, способен получить и развить *точку зрения* (*vue*) на некоторые из них, а также тот, для кого факт употребления их так, как он их употребляет, имеет определенный *эффект*»). [Benoist, 2023b, p. 103]. «Es gibt ein Subjekt nur insoweit, als es etwas zu tun gibt – in einigen Fällen, als es etwas zu wissen gibt, auch wenn dies nicht ausreicht, um eine Subjektivität überhaupt zu begründen: damit sie ihre volle Tiefe hat, darf sie nicht nur eine wissende Subjektivität bleiben, sondern muss auch eine handelnde und fühlende sein. Das Subjekt setzt voraus, dass es ein Spiel und sogar eine Vielzahl von Spielen zu spielen gibt, und diese haben äußerst kontextuelle Bedingungen. Nur in der Wirklichkeit ist der Sinn der Wirklichkeit umstritten und nur in ihr gibt es Platz für so etwas wie Subjekte, um darüber zu streiten». (Наш перевод: «Субъект существует лишь постольку, поскольку есть что делать – в некоторых случаях постольку, поскольку есть что знать, даже если этого недостаточно, чтобы установить субъективность вообще: чтобы она имела свою полную глубину, она не должна оставаться только знающей субъективностью, но должна быть также действующей и чувствующей. Субъект предполагает, что существует игра и даже множество игр, в которые можно играть, и они имеют выраженные контекстуальные условия. Только в реальности оспаривается смысл реальности, и только в ней есть место для чего-то вроде субъектов, чтобы спорить о ней»). [Benoist, 2023c, p. 71].

К-реализм соглашается с тем, что всякое познание перспективно в том смысле, что оно контекстуально, а также предполагает некоторую форму жизни. Но перспектива, понятая таким образом, не «точка зрения», ограничивающая доступ к самим вещам, а условие возможности такого доступа [Прись, 2022а, части 8, 9]. К-реализм отвергает современные версии перспективного реализма (некоторые из которых вдохновляются кантианским перспективизмом), не представляющие собой по сути ничего нового по сравнению с перспективизмом модерна. Согласно Бенуа, «la tâche prioritaire d'une pensée philosophique n'est pas de rechercher "l'Absolu", non pas parce que tout résultat de la pensée est relatif, mais au contraire parce qu'il n'y a pas de sens à se représenter la pensée comme affectée d'une *relativité de principe* qu'elle devrait surmonter.» (Наш перевод: «Приоритетной задачей философской мысли не является поиск "Абсолюта" не потому, что всякий результат мысли относителен, а наоборот, потому, что бессмысленно представлять мысль как подверженную влиянию *принципиальной относительности*, которую она должна преодолеть»). [Benoist, 2023a, p. 214].

Сказанное выше означает, что реальность не редуцируется к объективности, истине, познанной или познаваемой реальности. Реальные вещи не редуцируются к объектам. Подлинный реализм не может быть лишь эпистемическим (или семантическим). Он должен иметь онтологическое измерение (но не редуцироваться к нему). Ни сама объективность познания, ни субъективность не могут быть поняты в отрыве от реальности, без понимания реальных условий их возможности¹². Несостоятельность эпистемического реализма, если он просто утверждает объективность истины (знания), но не обращает внимания на реальные (контекстуальные, а не трансцендентальные) условия познания, которые не являются внешними по отношению к познанию, не ограничивают, а определяют его, а также несостоятельность чисто онтологического подхода, ограничивающегося рассмотрением лишь того, что существует (или могло бы существовать) в мире, как показал Бенуа, особенно ярко проявляется в моральной философии [Benoist, 2022, p. 136]¹³.

К-реализм – онтологический реализм. В то же время то, что существует, не предопределено. Онтология вторична и чувствительна к контексту, определяется контекстуальной нормой (это то, что упускает из виду чисто онтологический подход). В плане метафизическом первична реальность. В плане объяснительном первичен концепт реальности. Если же мы расположимся на эпистемологическом уровне, то первичным (и чувствительным к контексту), как утверждает эпистемология сначала-знания Т. Уильямсона, является знание, а первичным объяснительным концептом – концепт знания. Здесь мы констатируем, что существует связь между к-реализмом и эпистемологией сначала-знания Уильямсона, но не будем на этом вопросе подробно останавливаться (см., например, [Прись, 2022a]).

Реализм, отвергающий метафизический реализм, зачастую, в том числе и в области морали, вместе с ним отвергает и онтологический реализм как таковой, ограничиваясь эпистемическим реализмом (объективизмом¹⁴) и дефляционистскими концепциями истины и факта. Это другая крайность. К-реализм –

---

¹² Отметим, что в к-реализме речь не идёт о трансцендентальных условиях возможности. Как пишет Бенуа, «грамматический анализ, отнюдь не являясь повторением (*re-enactment*) трансцендентального, должен, как правило, развенчивать как онтологическую мифологию “вещи в себе”, так и трансцендентальную мифологию “я мыслю”. Для Витгенштейна “я мыслю”, будучи столь же мимолетным (*evanescent*), как и “вещь”, не является объектом науки» [Benoist, 2023d, p. 133].

¹³ Согласно Бенуа, современный реализм, в частности моральный реализм, не желая быть метафизическим, ограничивается эпистемической или семантической интерпретацией реализма, редуцируется к утверждению о существовании объективных (в моральной философии – моральных) истин. Например, в Стэнфордской энциклопедии философии читаем: «Моральный реализм не является каким-либо особым субстанциональным моральным воззрением и не несет в себе особых метафизических обязательств, помимо тех, которые вытекают из представления о том, что моральные утверждения могут быть истинными или ложными, и некоторые из них истинны» (Sayre-McCord G. Moral realism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2015. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/moral-realism/> (date of access: 06.09.2023)). Напротив, КМР не редуцируется к объективизму, т. е. не отождествляет концепты реальности и истины, а преодолевает пределы последней. Также это не дефляционизм, тривиализирующий моральные факты. В то же время КМР не редуцируется и к доменному онтологическому реализму, лишённому нормативного измерения.

¹⁴ На примере онтологического реализма Габриэля Бенуа показывает, что объективизм может «протянуть руку помощи» релятивизму (разумеется, не субъективному релятивизму) [Benoist, 2022; Gabriel, 2020].

это возврат к онтологическому реализму, но с учётом категориального различия между идеальным и реальным; к-реализм отвергает ограниченный «доменный» онтологический реализм¹⁵.

Прежде чем перейти к собственно моральному реализму, проиллюстрируем на примере разновидность концептуального анализа, к которому прибегает к-реализм. В самом общем виде можно сказать, что концептуальный анализ выявляет «грамматику» понятий как их *реальный* смысл, т. е. смысл, имеющий конститутивную связь с реальностью. Это относится и к реальному смыслу понятия «смысл»: для Витгенштейна «смысл есть употребление». Таким образом, концептуальный анализ не ограничивается поверхностным исследованием концептов, а предполагает познание самой реальности. На этом основании мы не видим противоречия между терапевтической позицией Бенуа, для которого философия – концептуальный анализ, а не наука, и теоретической позицией Уильямсона, который сближает философию и науку. В следующем параграфе мы увидим, что идеализм, будучи понят аналитически, не как содержательный тезис, а как тавтология, перестаёт быть идеализмом и оказывается необходимой составляющей подлинного реализма.

2. Реализм, идеализм, к-реализм

С точки зрения к-реализма традиционные идеализм и реализм, т. е. субъективный и объективный идеализмы и метафизический реализм, – ложные позиции, которые, однако, могут быть переинтерпретированы аналитически и превращены из содержательных тезисов в тавтологии – не бессмысленные, а выявляющие структуру самого к-реализма.

Для субъективного идеалиста субъект – мера всех вещей. Современный идеализм модерна и постмодерна утверждает, что мерой всех вещей является смысл, который применяется к реальности, делая её осмысленной. Это порождает ложную проблему доступа к удалённой от субъекта – располагающейся за смысловой (или концептуальной) вуалью (представлением) – «бессмысленной» или «чистой» реальности. Согласно к-реализму, говорить о реальности, лишённой смысла, как если бы она могла его иметь сама по себе, бессмысленно (см. положение 1).

Идеалистический тезис акцентирует внимание на смысле, предполагая его автономность и первичность, и утверждает, что в некотором содержательном смысле смысл порождает, определяет реальность, тогда как с точки зрения грамматической (логической, аналитической) смысл измеряет реальность, и, следовательно, нет смысла спрашивать о каком-то другом смысле реальности, как о том, которым она измеряется, определяется. Таким образом, идеалистический тезис можно превратить в тривиально истинное – аналитическое – утверждение: смысл – действительно «мера реальности», но в грамматическом смысле, по определению: смысл реальности определяется её смыслом. Он не автономен, а возни-

---

¹⁵ Ограниченность доменного подхода особенно ярко проявляется в области морали. Действительно, онтология имеет дело лишь с тем, что (реально) существует (или могло бы существовать). В морали онтологический взгляд констатирует существование моральных реальностей – моральных актов, бытия, чувств, опытов. Он не объясняет, что делает эти реальности моральными. Сами по себе факты не могут сказать нам, как мы должны поступить, чувствовать и какими должны быть вещи. Об этом говорят моральные нормы, принципы. Но они идеальны, не даны, не являются.

кает в самой реальности в результате её измерения. Тавтология «смысл реальности определяется смыслом реальности» не бессмысленна, так как подразумевает правильное понимание понятий «реальность» и «смысл» и вносит вклад в это понимание. Смысл не следует онтологизировать; он играет нормативную роль, нормирует бытие.

Бенуа пишет: «Если реальность воспринимается только в определенном смысле (когда к ней применяется этот смысл), то как она может проявляться иначе, чем в этом смысле? При таком понимании связь между тем, что измеряется смыслом, и этим смыслом является просто аналитической» [Benoist, 2023c, S. 64]. Во французской версии этой статьи он добавляет: «В том числе и в тех случаях, когда этот смысл применяется плохо» [Benoist, 2023b, p. 95]¹⁶.

Что касается реализма, то здесь тавтология имеет следующий вид: «Реальное реально». Иными словами, вместо метафизического тезиса мы имеем грамматическое положение, что реальность просто такова, какова она есть (см. положение 1). Это верно, но недостаточно для подлинного реализма. Бенуа пишет: «Was kann denn der Realismus in der Philosophie bewirken, wenn er ein bloßer *Realismus bezüglich der Wirklichkeit* ist – was man als die realistische Tautologie bezeichnen könnte: „das Wirkliche ist wirklich“, um sie mit der idealistischen Tautologie zu vergleichen: „die Wirklichkeit, auf die der Sinn angewandt wird, ist sinnvoll“ – und kein *Realismus bezüglich des Sinns*? Ich sage nicht *Realismus des Sinns* – das wäre eine Verwechslung vom Sinn mit einer Art Wirklichkeit oder von der Wirklichkeit mit dem Sinn, mit dem sie gemessen wird. Ein Realismus des Sinns wäre eine andere Sache und zweifellos die echte Quelle jedes Idealismus». (Наш перевод: «Какое же тогда влияние реализм может иметь в философии, если он является простым *реализмом реальности* [во фр. варианте статьи: *réalisme quant au réel*]? – то, что можно назвать реалистической тавтологией: “реальное реально” (для сравнения идеалистическая тавтология имеет следующий вид: “реальность, к которой применяется смысл, осмысленна”), но не *реализмом относительно смысла* [во фр. варианте статьи: *réalisme sur le sens*]? Я не говорю *реализм смысла* [во фр. варианте статьи: *réalisme quant au sens*] – это было бы смешением смысла с видом реальности или реальности с тем смыслом, которым она измеряется. Реализм смысла – другое дело. Он, несомненно, является подлинным источником всякого идеализма») [Benoist, 2023c, S. 64].

Смысл, таким образом, не реален, а идеален. Но подлинный смысл укоренён в реальности. Реализм (относительно смысла) состоит в понимании этого. Согласно Бенуа, идея, что смыслы (Sinne) – стандарты бытия (Sein) «и даже более конкретно реальности (Wirklichkeit) (бытия, понимаемого как реальное (wirklich)), сама по себе не является идеалистической: если мы реалистичны в отношении смысла – т. е. в отношении конкретных условий этих стандартов, их необходимости и фактических условий их применения – такая формула вполне совместима с реалистической программой в философии. Она даже является одной из ее существенных предпосылок. *Ибо чем был бы реализм, который остановился бы, так сказать, на смысле?* Такой реализм оказался бы беззубым. (Он не имел бы *никакого эффекта*)» («Denn was wäre ein Realismus, der sozusagen beim Sinn aufhörte? Ein

¹⁶ Французская [Benoist, 2023b] и немецкая [Benoist, 2023c] версии статьи Бенуа незначительно отличаются.

solcher Realismus hätte seine Zähne verloren. (Er würde überhaupt *nichts bewirken*)» [Benoist, 2023c, S. 65].

Мы видим, что к-реализм имеет многочисленные эквивалентные формулировки, акцентирующие внимание на том или ином его аспекте. К-реализм можно, например, сформулировать так: подлинный реализм предполагает реалистическое понимание идеального и, в частности, смысла. Это не реализм идеального, а реалистический подход к идеальному, состоящий не в том, чтобы понять идеальное, в частности смысл, как (особую) реальность, а в том, чтобы понять укоренённость идеального в реальном – реальные условия его существования и применения. Напротив, идеализм принимает идеальное за реальное или же смешивает реальное со смыслом (идеальным), который его измеряет, тем самым идеализируя реальное.

Две тавтологии, на которые указывает Бенуа, – реалистическая и идеалистическая – можно поставить в соответствие двум постулатам к-реализма, сформулированным нами в §1. Эти постулаты тоже могут быть поняты аналитически, как тавтологии. Постулат 1 – определение (грамматика) реальности. Сказать, что реальное просто таково, каково оно есть, – это сказать, что реальное реально. Ввести категориальный дуализм (постулат 2) – это отвергнуть смешение идеального и реального и обратить внимание на соотношение между идеальным и реальным, на реальные условия употребления идеального.

В частности, моральный реализм не может быть просто (онтологическим) реализмом, а требует реалистического понимания нормативного (идеального) измерения, т. е. введения двух указанных постулатов. Как мы увидим, в случае морального реализма это даже проявляется наиболее выпукло.

К-реализм, формулируемый в терминах ЯИ и противопоставляемый метафизическому реализму и платонизму, я когда-то называл «нормативным реализмом» в том смысле, что всякая корректная идентификация нового элемента реальности предполагает непредопределённое применение в-правила в новом контексте и является обосновываемой *post factum*. Этот термин обычно употребляется в смысле реализма относительно норм. На самом деле правильно понятый нормативный реализм в смысле реалистического понимания нормативности как раз и есть контекстуальный / нормативный реализм. Реализм нормативный = нормативный реализм.

Отметим, что к-реализм может быть назван не только (подлинным) нормативным реализмом, но он может быть также назван (подлинным) интенциональным реализмом, (подлинным) концептуальным реализмом, (подлинным) семантическим реализмом и так далее. Все эти -измы с точки зрения к-реализма перестают быть различными -измами и оказываются эквивалентными позициями – к-реализмом (различными аспектами к-реализма) (подобно тому как при аналитической трактовке идеализм перестаёт быть идеализмом и оказывается эквивалентным реализму или его необходимой составляющей). Действительно, интенции, нормы, концепты, смыслы, если они подлинны интенции, нормы, концепты, смыслы, укоренены в реальности. Иначе говоря, с одной стороны, они объективно существуют, как бы «реальны» в слабом смысле, а с другой – то, что реально, идентифицируется (измеряется) этими идеальными сущностями.

Это значит, что акцент в выражениях «интенциональный (концептуальный, семантический и т. д.) реализм» может смещаться с одного слова на другое, без того, чтобы изменялась сама позиция. Реализм интенциональный (концептуальный, семантический и т. д.) = интенциональный (концептуальный, семантический и т. д.) реализм. Контекстуализация также превращает в к-реализм структурный реализм. В-правило (норма) может быть эксплицитно сформулировано (хотя оно не исчерпывается своей формулировкой) или задано в виде системы аксиом (которые, опять же, не исчерпывают в-правило целиком). Это выглядит как структура в-правила, а его применение в контексте – как схватывание структуры реальности, то есть реальной структуры. Как пишет Бенуа, «нормы (...) не имеют другого назначения, как схватывать структуры. И наоборот: структура – это то, что схватывается нормой там, где она применяется нужным образом в нужном контексте» [Benoist, 2017, p. 106].

3. Контекстуальный моральный реализм

Моральные нормы (правила, принципы, концепты) – частный случай норм (правил, принципов, концептов). Соответственно контекстуальный моральный реализм (КМР), с одной стороны, – к-реализм применительно к моральным нормам и идентифицируемым ими моральным фактам, а, с другой стороны, – изменение самого к-реализма. КМР предполагает к-реализм и наоборот; в известном смысле КМР и к-реализм – эквивалентные позиции.

Моральную норму можно рассматривать как норму долженствования: (не) должно поступать так-то, (не) должно быть таким-то (существование / бытие может соответствовать моральной норме или нет, т. е. быть добродетельным или нет), (не) должно чувствовать так-то, испытывать такие-то эмоции в такой-то ситуации. Другими словами, то, что есть (делается, чувствуется), оценивается с точки зрения того, что должно быть (делаться, чувствоваться). Действие, бытие и чувствование одновременно описываются и оцениваются на соответствие моральной норме (какими они должны быть). Применение моральных норм (концептов), таким образом, сопровождается применением неморальных норм (концептов). Моральный факт имеет описательное и нормативное измерения. Применение же неморальных норм (концептов), вообще говоря, не предполагает применение моральных. В обоих случаях, однако, производится оценка на удовлетворение норме / концепту (по этой причине, как уже было сказано в §2, то, что сейчас вместе с Бенуа я называю к-реализмом, ранее я называл нормативным реализмом).

Нормы – это то, что измеряет реальность. Их применение предполагает суждение, которое всегда контекстуально, ответственность субъекта за его истинность. Соответственно, моральные нормы измеряют (моральную) реальность. Тоже в контексте. Если бы мораль не имела отношения к реальности, она не имела бы никакого значения, не была бы моралью. Таким образом, мораль, если вообще признать её существование, требует своего реалистического понимания, не мо-

жет быть понята безотносительно к реальным действиям, опыту и эмоциям, направлена на оценку и изменение реальности¹⁷.

К моральной онтологии (моральным фактам) относятся моральные (или порочные), т. е. отклоняющиеся от нормы или сознательно её отвергающие, имморальные или же нейтральные действие (или бездействие), бытие и чувствование (эмоции).

Моральность, т. е. чувствительность к моральному контексту, подразумевает известную чувствительность к неморальному контексту. Имморальность же (т. е. отсутствие чувствительности к моральному контексту, моральное безразличие, неспособность делать моральные различия, отсутствие моральных норм, «моральная слепота»¹⁸) не подразумевает отсутствие чувствительности к неморальному контексту, а может иметь место даже при наличии гиперчувствительности к нему.

Согласно КМР, имморализм – это отсутствие моральной компетенции, а причина зла – в дефектной моральной компетенции. В этом смысле КМР отвергает дуализм добра и зла. Зло вторично, предполагает моральную форму жизни и соответствующую грамматику. Вне нравственной жизни нет не только добра, но нет и зла (они просто не имеют смысла), а есть просто реальность. Такова наша интерпретация точки зрения Сократа, согласно которой никто не делает зла по своей воле; причина зла в незнании. В этом же духе Бенуа пишет: «L'insensibilité à la situation, qui place l'agent moral en position d'indifférence par rapport au réel, est la mère non pas de tous les vices, car, pour en avoir, il faut déjà être moral, mais de l'immoralité. (...) Le mal est un aspect de la vie morale. Le réalisme moral au sens mis en avant ici a trait aux conditions mêmes du champ de l'existence, de l'expérience et de la réalité morales – donc pour le bien et le mal d'avoir un sens». (Наш перевод: «Невосприимчивость к ситуации, которая ставит морального агента в положение безразличия по отношению к реальному, не мать всех пороков, так как, чтобы их иметь, нужно уже быть моральным, а имморальности. (...) Зло – это аспект нравственной жизни. Моральный реализм (...) имеет отношение к самим условиям моральных области существования, опыта и реальности – следовательно, к тому, чтобы добро и зло имели смысл») [Benoist, 2022, p. 145].

Можно, например, предположить, что в некотором рабовладельческом обществе рабство не рассматривается ни как морально недопустимое, ни как морально допустимое, т. е. вопрос о том, является ли рабство злом, не имеет значения и даже смысла. Просто в терминах морали (по крайней мере в современных терминах) по отношению к рабству люди в этом обществе не способны рассуждать. Поэтому они не могут и ошибаться. В этой области социальной реальности они имморальны – слепы по отношению к добру и злу. Наше общество сделало определённый прогресс. Мы судим и знаем, что рабство зло, всегда и везде было и будет злом. Имморальные человек и общество не несут моральной ответственности (это тавтология). Но это не значит, что нельзя оценивать их действия

¹⁷ Pas de morale sans appréciation du réel, ni décision effective quant à ce qu'il y a à faire par rapport à lui. (Наш перевод: «Не может быть морали без оценки реальности и принятия эффективного решения о том, что с ней делать») [Benoist, 2022, p. 145].

¹⁸ В другом (неморальном) контексте Витгенштейн говорит о «концептуальной слепоте».

(бытие и чувства) как удовлетворяющие или неудовлетворяющие нормам морали, которых у них нет.

Мораль, как и подлинный реализм, предполагает ангажированность субъекта, принятие им обязательств. Применение моральной нормы – (интенциональное, нормативное) действие – практическое или эпистемическое (моральная оценка). Оно предполагает принятие решения, суждение, которые всегда контекстуальны, т. е. не даны, не predetermined. Моральная восприимчивость к контексту невозможна вне языковой игры и соответствующей формы жизни.

Контекстуализм КМР не следует принимать за релятивизм или партикуляризм. Моральный партикуляризм отвергает существование моральных принципов и утверждает, что моральные факты зависят лишь от контекста. Позиция основывается на неверном понимании контекстуальности как внешнего фактора, лишённого нормативного измерения. На самом деле контекстуализм (и, соответственно, плюрализм языковых игр и форм жизни) – антидот против релятивизма и партикуляризма. Он противопоставляется не универсальности как таковой, а лишь формальной универсальности. Более того, контекстуализм – условие подлинной (реальной) универсальности: контекстуальная норма может быть применена не только в том же контексте в других случаях, но и в других контекстах, в том числе и радикально новых, в которых сама норма претерпевает изменения (так возникают новые нормы, идеал приобретает реальные очертания, а невозможность удовлетворить моральной норме становится возможной).

Моральное требование не всегда легко или даже в принципе реализуемо. Как раз наоборот, зачастую мы стоим перед трудным или даже невозможным моральным выбором. Если бы требования морали были легко реализуемы, она не была бы моралью. Тем не менее, если реальность не удовлетворяет нормам морали, мораль всегда категорически требует привести её в соответствие со своими нормами, даже если это невозможно¹⁹. В этом принципиальное отличие моральных норм от других норм. При этом желать удовлетворения моральных норм и игнорировать условия возможности их удовлетворения имморально (так как не знать условий применимости нормы – это, строго говоря, не знать и самой нормы (не владеть ею)). Идеалист не тот, кто принимает моральную норму, зная, что ей трудно или даже невозможно удовлетворить, а тот, кто об этом не знает. Моральный реализм предполагает владение моральным в-правилом, а следовательно, знание области его (не)применимости. В то же время норма не имеет смысла, если она вообще не имеет никаких применений. Моральные нормы, как и всякие нормы, в отличие от псевдонорм, имеют по крайней мере некоторые свои реализации в реальности, укоренены в ней непосредственно или опосредованно. Дисгармония между реальностью и моральными нормами может быть значительной. Наши нормы могут быть слишком требовательными, по сравнению с той реальностью, которая нас окружает, или же, наоборот, реальность может оказаться настолько не соответствующей нашим представлениям и нормам, что мы не будем в состоянии её оценить (так возникает чувство абсурда, о котором пишет А. Камю).

¹⁹ Обычно считается, что мораль не может требовать невозможного. Напротив, согласно КМР, иногда следует требовать невозможного.

Формулировка самой моральной нормы – не формулировка морального факта как факта реального, так как нормы, как уже было сказано идеальны, служат для оценки реальности. В этом смысле моральные факты как факты, констатирующие объективное существование тех или иных моральных норм и принципов, а не факты относительно их применения, – идеальные факты, а не факты *sui generis*. В этом смысле мы трактуем позицию Дж. Маки (J. L. Mackie), согласно которой «не существует объективных ценностей (...) ценности не объективны» и, следовательно, обывденные люди и философы-когнитивисты ошибаются, думая, что они существуют [Shafer-Landau, Cuneo, 2007, p. 13]. Ценности (моральные, эстетические и другие) не являются, согласно Маки, «частью фабрики мира», не могут быть «истинными или ложными», познаваемыми и так далее (подробнее см. [Miller, 2013, p. 209])²⁰.

Согласно к-реализму, нормы, в частности петлевые предложения (ПП), не могут быть истинными или ложными, знанием в традиционном смысле, так как они – предпосылка истинности или ложности знания. Можно говорить об истинности норм и их познании только в широком смысле. Так, строго говоря, нельзя сказать, что мы знаем ПП или что они истинны (как если бы они могли быть ложными). Достоверность ПП логическая. (И это достоверность в рамках формы жизни.) Но можно говорить и говорят об истинности ПП в некотором минимальном смысле. Другое дело, что сам статус нормы, ПП может измениться. Предложение, выражающее норму, может превратиться в истинное парадигматическое предложение или истинное или ложное эмпирическое предложение, которое мы можем знать или в которое мы можем обоснованно верить.

Соответственно, КМР позволяет трактовать основные моральные принципы как моральные петлевые предложения (ПП), т. е. в-правила (нормы), управляющие моральными языковыми играми (в рамках которых идентифицируются моральные свойства объектов и производится моральная оценка действий, чувств и бытия) в рамках моральной формы жизни. Тогда так называемые «чистые моральные разногласия», возникающие в результате столкновения различных моральных принципов (норм, форм жизни) или убеждений, которые играют роль ПП, но, быть может, таковыми не являются (поскольку могут оказаться ложными²¹), благодаря логической природе ПП оказываются «глубокими», т. е. трудно-разрешимыми рациональным путём. В связи с варибельным статусом ПП предложение, выражающее моральную норму, в другом контексте может выражать моральный факт. Так, предложение «Рабство – зло» может выражать и идеальную норму, и реальный моральный факт (быть может, с точки зрения более общих норм, таких как право человека на достойное существование и др.)²².

В современной аналитической эпистемологии, обращающейся к последней работе Витгенштейна «О достоверности», обсуждаются различные интерпретации ПП, включая моральные ПП, в частности, в связи с проблемой скептицизма и эпистемической рациональности, которая локальна, предполагает ПП. Такого

²⁰ Формулировки Маки полунтуитивные. Отсюда многообразие используемых им выражений относительно понятия объективного морального требования [Miller, 2013, p. 209].

²¹ С точки зрения нашей интерпретации подлинные ПП не могут быть ложными.

²² Для Т. Уильямсона «рабство – зло» – моральный факт.

рода подходы не только совместимы с к-реализмом, но на самом деле должны предполагать его в качестве своего основания. Эпистемология нуждается в реалистическом понимании рациональности и нормативности. Она нуждается в онтологии и подлинно реалистической позиции.

Чисто онтологический моральный реализм, однако, невозможен, во-первых, потому, что невозможен чисто онтологический подлинный реализм (к-реализм не чисто онтологический, так как нормы не относятся к онтологии, не даны, не являются). Во-вторых, как уже было сказано выше, мораль не может просто констатировать то, что есть. Она всегда сравнивает то, что есть (поступок, бытие, чувство), с тем, что должно быть. Как пишет Бенуа, «Le point de vue moral est fondamentalement *normatif*» (наш перевод: «Точка зрения морали – фундаментально нормативна») [Benoist, 2022, p. 133].

Витгенштейн приводит следующую аналогию: «Правильная дорога – это дорога, ведущая к произвольно заданной цели, и всем нам совершенно ясно, что говорить о правильной дороге в отрыве от такой заданной цели бессмысленно. Теперь давайте посмотрим, что можно понимать под выражением “единственно абсолютно правильная дорога” (*The, absolutely, right road*). Я думаю, что это дорога, увидев которую, *каждый с логической необходимостью* должен был бы пойти по ней или устыдиться, что не пошел. И точно так же *абсолютное благо*, если оно поддается описанию, – это такое состояние дел, которое каждый, независимо от своих вкусов и склонностей, должен *обязательно* осуществить или испытывать чувство вины за то, что не осуществил его. И я хочу сказать, что такое положение дел – химера. Ни одно положение дел само по себе не обладает тем, что я хотел бы назвать принудительной силой абсолютного судьи» [Wittgenstein, 2014, p. 46].

Это аргумент против метафизического (деконтекстуализированного) морального платонизма / реализма, субстанциализирующего нормы, превращающего их в абсолютные моральные факты.

Мы видим сходство аргумента Витгенштейна с «аргументом из странности (*queerness*)» Макки, согласно которому объективные (категорически предписывающие) моральные ценности (факты) не существуют, поскольку такие ценности были бы метафизически странными автономными (никак не связанными с той реальностью, которая требует от нас моральных суждений и поступков) фактами со встроенным в них требованием необходимого подчинения. Как отмечает Бенуа, «аргумент из *странности* таких предполагаемых трансцендентных моральных реальностей не просто онтологический – основанный на отказе принимать странные сущности, далекие от того, что мы обычно понимаем под “реальностями”. Он собственно моральный. Проблема с этими предполагаемыми реальностями *sui generis* в том, что они не позволяют морали контролировать то, что мы обычно понимаем под “реальностью”. А ведь именно о таком контроле и идет речь в морали» («L'argument de la *queerness*, de l'étrangeté de telles supposées réalités morales transcendantes, n'est pas simplement ontologique – fondé sur le refus d'accepter des entités bizarres, éloignées de ce que nous entendons d'habitude par “réalités”. Il est proprement moral. Ce qui ne va pas avec ces prétendues réalités *sui generis*, c'est qu'elles ne donnent pas à la morale une prise sur ce qu'on entend d'habitude

par “réalité”. Or une telle prise est l'enjeu même de la morale») [Benoist, 2022, p. 143]. Мораль имеет отношение к нашей реальности. Непонятно, каким образом нормы, существующие сами по себе, могут иметь к ней отношение, быть в ней применены, измерять, нормировать её.

Непринадлежность моральных норм к онтологии не означает отсутствия у них онтологической ангажированности, поскольку моральная онтология определяется моральными нормами. В этом смысле мораль предшествует онтологии, а не строится на ней. Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что моральной онтологии предшествует нормативный зов моральной реальности. Моральная восприимчивость, позволяющая выявить или применить моральные нормы в контексте, идентифицировать моральные факты, вырабатывается на опыте, практике, в испытаниях²³. Моральная слепота, подобно концептуальной слепоте, делает мир беднее. Бенуа пишет: «Par certains cotés, un monde moins moral est un monde moins reel. (...) *La morale fait quelque chose à l'ontologie*». (Наш перевод: «Некоторым образом менее моральный мир является менее реальным. (...) Мораль как-то влияет на онтологию») [Benoist, 2022, p. 144]. Рабовладельческое общество, в котором отсутствует моральная норма «Рабство – зло» и восприимчивость к соответствующим моральным фактам, онтологически беднее нашего, менее реально.

4. КМР и моральная эпистемология Т. Уильямсона

Ранее мы констатировали наличие сходства между терапевтическим к-реализмом Бенуа, имеющим в то же время подлинно метафизическое измерение, и «метафизическим» реализмом Т. Уильямсона – в семантике, эпистемологии, метафизике и философии морали [Прись, 2022а, гл. 5, ч. 7; Прись, 2022b]. Здесь мы проводим дополнительные параллели между КМР и моральной эпистемологией Уильямсона [Williamson, 2022].

Для Уильямсона существуют моральные истины (принимается моральный когнитивизм и отвергается теория ошибок) и моральное знание (моральный антискептицизм). Причём британский философ показывает, что доступ к моральному знанию не является более трудным, чем доступ к неморальному знанию (тезис неисключительности морального). Во всяком случае это так для обыденного (не-теоретического) знания [Williamson, 2022].

КМР разделяет этот вывод. Для КМР моральные установки так же, как и неморальные, укоренены в реальности, а способность приобретать моральное знание зависит от выработанной восприимчивости к моральному контексту, подобно тому как способность приобретать неморальное знание зависит от выработанной восприимчивости к неморальному контексту. В эпистемологии к-реализма, так же как и в эпистемологии сначала-знания Уильямсона, концепт знания – первичный объяснительный эпистемический концепт. Знание также первично в метафизическом плане. Соответственно, в моральной эпистемологии первичными являются моральное знание и концепт морального знания. Чувствительность знания к контексту подразумевается. В моральной эпистемологии подразумевает-

²³ Следует различать моральное знание и моральный поступок, способность давать моральную оценку, делать моральное суждение и способность морально поступать (быть, чувствовать).

ся чувствительность знания к моральному контексту. Моральное знание выражается или может быть выражено в виде морального суждения в контексте, которое есть языковая игра – применение морального в-правила (нормы). Такой взгляд исключает как метафизический платонизм, так и натуралистический редукционизм, имеющие между собой то общее, что ни та, ни другая позиция не принимает должным образом во внимание контекст. Мир метафизического платониста (морального реалиста) наполнен воображаемыми трансцендентными моральными фикциями, а с другой стороны, так же, как и мир редукциониста, он оказывается обеднённым, поскольку лишён подлинно морального измерения: и метафизический платонист, и натуралистический редукционист слепы к реальной моральной онтологии, которая чувствительна к моральному контексту²⁴.

Рассматривая современные эпистемологические теории, можно согласиться с Уильямсоном, что все они, в том числе и экстерналистские (относительно интерналистских теорий это гораздо более очевидно), применимы к случаю морального знания не в меньшей мере, чем к случаю неморального знания. В частности, скептический аргумент, апеллирующий к существованию различных, зачастую несовместимых моральных убеждений в различных (со)обществах, не более состоятелен, чем аналогичный аргумент против существования знания обыденных истин. Существование морального знания может быть объяснено, например, безопасной эпистемологией (*safety epistemology*), согласно которой истинное убеждение субъекта (членов (со)общества) является знанием, если его убеждение в ближайших возможных мирах истинно. Можно, например, вообразить (со)общество, в котором люди ложно убеждены, что рабство не является злом. Из этого, однако, не следует скептическая позиция, что наше истинное убеждение, что рабство зло, не есть знание, поскольку такое воображаемое (со)общество является слишком удалённым от нашего – наше истинное убеждение, что рабство зло, является безопасным²⁵.

КМР согласуется с выводом Уильямсона, что моральное знание возможно в результате непосредственного опознания моральных фактов (экстернализм), а также может быть получено от свидетеля. В обоих случаях, на наш взгляд, можно говорить о восприимчивости к моральному контексту, «слепому» следованию моральному правилу в том смысле, в котором это понимает Витгенштейн. Более того, такое непосредственное знание в контексте, или опознание, является первичным, фундаментальным, предполагается любым выводом исходя из моральных принципов.

Обе позиции – КМР и моральный реализм Уильямсона – отвергают классический (необязательно метафизический) моральный реализм, утверждающий существование универсальных, априорных, абсолютных, неизменных моральных

²⁴ Как уже было сказано, чувствительность моральной оценки и моральной онтологии к контексту означает, что они не predetermined. В то же время, хотя о добре и зле, правильном и неправильном имеет смысл говорить лишь в контексте, то, что сказано, – моральное содержание – оказывается абсолютным. В этом смысле добро и зло не относительны, а абсолютны. Но это не абсолютность формальной универсальности, predetermined морального факта.

²⁵ Некоторые утверждают, что моральные разногласия, в отличие от других видов разногласий, настолько широко распространены и сильны, что о существовании безопасного истинного морального убеждения говорить не приходится. Эта точка зрения нам представляется неверной.

принципов (в метафизической версии это метафизический платонизм), и моральный инференциализм, апеллирующий к таким принципам [Williamson, 2022].

Аргумент Уильямсона против морального инференциализма аналогичен аргументу Бенуа против «нового морального реализма» М. Габриэля, представляющего собой версию морального неоклассицизма. Габриэль – контекстуалист. Согласно ему, универсальные, априорные (хотя и не всегда очевидные, а выявляемые человечеством лишь постепенно), абсолютные и неизменные моральные принципы применяются в контексте [Gabriel, 2020]. Но в отличие от КМР, не отделяющего моральные нормы от их контекстуальных употреблений, имеющих, таким образом, нормативное измерение, для Габриэля контекст – внешний (апостериорный) чисто неморальный фактор. Это сближает его позицию с инференциализмом, выводящим моральные суждения из первичных моральных принципов.

С точки зрения КМР контекст не может быть внешним по отношению к моральным принципам, не может быть описан исключительно в неморальных терминах, а сами принципы не являются априорными в некотором абсолютном смысле, оторванными от опыта, реальности. Непосредственная идентификация моральных фактов в контексте более фундаментальна, чем их вывод, исходя из моральных принципов. Последний, однако, может играть вторичную вспомогательную или уточняющую роль.

Рассмотрим структуру критикуемой Уильямсоном инференционной точки зрения на моральные суждения на следующем примере.

В «Википедии» мы читаем: «Полицейский Дерек Шовин прижал колено к шее Флойда и держал в течение 7 минут и 46 секунд во время ареста. Флойд в это время уже был в наручниках, два других офицера ещё больше сдерживали Флойда, а четвёртый не позволял очевидцам вмешаться. Еще до фиксации коленом Флойд неоднократно повторял: “Я не могу дышать”, просил воды и жаловался, что у него всё болит. В течение последних трех минут Флойд был неподвижен, и у него не прослеживался пульс, но офицеры не попытались его реанимировать. Шовин держал колено на шее Флойда, когда прибывшие медики из скорой помощи пытались ему помочь»²⁶.

Не прибегая ни к каким априорным моральным принципам, мы можем непосредственно вынести суждение, что действия Дерека Шовина ошибочны (аморальны, преступны, зло). Такое непосредственное моральное суждение более достоверно, чем какие-либо моральные принципы или моральные выводы, сделанные на их основе.

Субъективная достоверность и знание не одно и то же. Ошибка всегда возможна. Наше суждение может не измениться, но может и измениться при наличии дополнительных эмпирических фактов.

Читаем «Википедию» далее: «Официальное вскрытие показало, что Флойд скончался от сердечно-лёгочной недостаточности. Токсиколог обнаружил в его организме несколько психоактивных веществ или метаболитов, и медицинский эксперт отметил, что интоксикация фентанилом и недавнее употребление метамfetамина в значительной степени способствовали летальному исходу, хотя

---

²⁶ Википедия. Убийство Джорджа Флойда. 2023. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Убийство_Джорджа_Флойда (Дата обращения: 17.10.2023.)

и не явились его причиной. Второе вскрытие, проведенное по инициативе семьи Флойда и выполненное Майклом Баденом без доступа к различным образцам тканей и жидкости, показало, что «свидетельство согласуется с механической асфиксией как причиной» смерти с компрессией шеи, ограничивающей приток крови к мозгу, и компрессией спины, ограничивающей дыхание»²⁷.

Эта дополнительная эмпирическая информация существенно не меняет наше моральное суждение. Опять же, здесь нет необходимости в обращении к универсальным априорным моральным принципам.

Применительно к данному примеру инференционная точка зрения, критикуемая Уильямсоном, имеет следующую структуру. Предположим, что D – некоторое качественное описание ситуации, не прибегающее к моральным терминам. (Пред)посылка 1. Действия полицейских при задержании Джорджа Флойда были (подпадают под описание) D. (Пред)посылка 2. То, что есть D, всегда морально ошибочно (зло). 3. Заключение. Действия полицейских были морально ошибочными (зло).

В этом дедуктивном аргументе 2 – универсальное обобщение, 1 – конкретная апостериорная (пред)посылка, не имеющая морального измерения, 3 – конкретное апостериорное моральное заключение.

Инференциализм предполагает способность выявлять априорные универсальные моральные принципы, тогда как, согласно КМР и Уильямсону, моральный элемент привносится опознавательной способностью апостериорно в результате оценивания конкретных случаев. Мы можем непосредственно видеть, что человек совершает моральный поступок или поступок, нарушающий нормы морали.

Способность видеть добро и зло, т. е. способность видеть наличие или отсутствие у бытия, поступка или чувства моральных свойств «хороший» или «плохой», схожа с непосредственным перцептивным восприятием неморальных свойств. Но моральная компетенция не редуцируется к другим компетенциям, например психологической. Можно видеть, что совершается действие некоторого типа. Можно также видеть, что это действие преднамеренное. Наконец, можно видеть, что оно порочное, не удовлетворяет (контекстуальной) моральной норме. Опознание и есть контекстуальное применение компетенции – следование норме (в-правилу). Иначе говоря, «моральным является отношение к самому контексту» («*c'est le rapport au contexte lui-même qui est moral*») [Benoist, 2022, p. 144]. С одной стороны, это так, поскольку пренебрежение контекстом, в том числе и неморальным, не позволяет произвести моральную оценку. С другой стороны, моральная оценка подразумевает также чувствительность к специфически моральному контексту. Выработка такой чувствительности требует усилий и достигается в результате накопления опыта и знаний.

Уильямсон предлагает исчерпывающий анализ несостоятельности инференционной точки зрения, который мы здесь не приводим. Отметим лишь некоторые моменты.

Универсальное обобщение вида «То, что есть D, всегда морально ошибочно», где D – некоторое качественное описание в неморальных терминах, очевидно,

---

²⁷ **Википедия.** Убийство Джорджа Флойда. 2023. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Убийство_Джорджа_Флойда (Дата обращения: 17.10.2023.)

подвержено контрпримерам²⁸. Уильямсон, например, пишет, что отравить Гитлера в 1939 году не было бы морально ошибочным. Поэтому непосредственное опознание моральных фактов более достоверно. Существованию контрпримеров, на которое указывает Уильямсон, в моральном реализме Габриэля соответствует зависимость применения универсальных априорных моральных принципов от внешнего (неморального и апостериорного) контекста. В некоторых контекстах они не применимы. Таким образом, если контекст рассматривается как внешний фактор, моральная оценка сводится к инференционной схеме. Искусственно созданная проблема с выводом морального суждения возникает в результате искусственного отрыва морального принципа от контекста его применения.

Инференциалистский подход также ведёт к бесконечному регрессу метапринципов: априорный моральный принцип требует метапринципа для своего обоснования, который в свою очередь требует метаметапринципа и так далее. Альтернативное обоснование моральных принципов может апеллировать к конкретным случаям, в которых они верны. Но тогда эти случаи оказываются первичными.

Сказанное выше проливает некоторый свет на проблему моральных разногласий.

Так, согласно «тезису асимметрии», обсуждаемому в аналитической эпистемологии, моральные разногласия с рациональной эпистемической точки зрения являются более трудноразрешимыми, чем обыденные (неморальные). Утверждается, что эпистемическая рациональность позволяет большую твёрдость в защите моральных убеждений, чем неморальных [Ranalli, 2021]. С точки зрения КМР и моральной эпистемологии Уильямсона этот тезис ошибочен. На самом деле более трудноразрешимыми являются петлевые (фундаментальные) разногласия независимо от того, являются они моральными или неморальными. Это разногласия между различными нормами, системами норм или формами жизни и, соответственно, отнологические разногласия, возникающие в результате деконтекстуализации норм. Это также разногласия между убеждениями, которые играют роль петлевых, но могут ими и не быть, например, по той причине, что они являются ложными. Моральные разногласия, как и моральное знание, не являются особенными²⁹.

Заключение

Мы ввели позицию контекстуального морального реализма (КМР). Это наша интерпретация морального реализма Бенуа в терминах философии позднего Витгенштейна. Структура к-реализма – структура провала между идеальным (правилом, нормой, концептом) и реальным. Это также структура витгенштейновской проблемы следования правилу. Соответственно, структура КМР – структура применения моральной нормы к реальности. Всякая норма, включая моральную,

²⁸ Если моральный принцип понимать не как универсальное обобщение, а как общий закон *ceteris paribus*, его применение к конкретному случаю не может быть логическим выводом.

²⁹ О проблеме моральных разногласий см., например, [Rowland, 2021], а также: Tersman F. Moral disagreement // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/disagreement-moral/> (Дата обращения: 06.09.2023).

определяется и применяется в контексте. Применение моральной нормы предполагает моральную восприимчивость к контексту, который не является внешним по отношению к ней, а сам имеет моральное измерение.

КМР – критика морального объективизма, игнорирующего моральную онтологию, а также метафизического морального реализма (платонизма) и натуралистического морального редукционизма, игнорирующих контекстуальное (подлинно нормативное) измерение морали.

Мы также установили сходства между моральным реализмом Уильямсона и моральным реализмом Бенуа. В частности, аргумент Уильямсона против морального инференциализма соответствует аргументу Бенуа против «нового морального реализма» Габриэля, а его аргумент в пользу непосредственного морального знания посредством перцептивного восприятия (опознания) и морального знания, полученного от свидетеля, – контекстуальному аргументу, апеллирующему к моральной восприимчивости.

Список литературы

- Прись И. Е.** Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетейя, 2020. 354 с.
- Прись И. Е.** Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики. СПб.: Алетейя, 2021. 192 с.
- Прись И. Е.** Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022а. 720 с.
- Прись И. Е.** Реализм: Ж. Бенуа vs Т. Уильямсон // Диалектико-методологический анализ альтернатив социумных взаимодействий и социальных процессов / Под ред. Н. В. Гусева, Е. В. Савчук. Усть-Каменогорск, 2022б. С. 197–213.
- Прись И. Е.** Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики. М.: Ленанд, 2023. 304 с.
- Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление. М.: АСТ, 2020. 576 с.
- Benoist J.** L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017. 376 p.
- Benoist J.** D'un sensible l'autre // Bulletin de la société française de philosophie. 2020. Vol. CXIV.
- Benoist J.** Pourquoi la morale a-t-elle besoin du réalisme? // L'Ircocervo. 2022. Vol. 21. № 2. P. 131–145.
- Benoist J.** Le retour de la métaphysique // Phasis. European Journal of Philosophy. 2023а. 7. P. 197–211.
- Benoist J.** Le réalisme et la place du sujet // Nouvelle philosophie en Allemagne et en France. Entre idéalisme et réalisme / J. Benoist, M. Gabriel, J. Rometsch (Dir.). Paris: Vrin, 2023b. 276 p.
- Benoist J.** Der Realismus und der systematische Ort des Subjekts // Realismus und Idealismus in der gegenwärtigen Philosophie / J. Benoist, M. Gabriel, J. Rometsch (Hrsg.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2023c. S. 63–72.
- Benoist J.** Real Austerity // Reading Rödl on Self-Consciousness and Objectivity / J. Conant, J. Mulder (Eds.). L.: Routledge, 2023d. P. 125–134.
- Gabriel G.** Moralischer Fortschritt in dunklen Zeiten. Ullstein: Berlin, 2020. 352 S.
- Miller A.** Contemporary meta-ethics. An introduction. Polity, 2013. 320 p.

- Ranalli C.** Moral hinges and steadfastness // *Metaphilosophy*. 2021. Vol. 52. № 3–4. P. 397–401.
- Rowland R.** *Moral disagreement*. L.; N. Y.: Routledge, 2021. 258 p.
- Shafer-Landau R, Cuneo T.** (Eds.). *Foundations of ethics. An anthology*. Blackwell, 2007. 516 p.
- Williamson T.** Unexceptional moral knowledge // *Journal of Chinese Philosophy*. 2022. Vol. 49. № 4. P. 405–415.
- Wittgenstein L.** *Lecture on ethics* / E. Zamuner et al. (Eds.). Blackwell, 2014. 152 p.

References

- Benoist J.** *L'adresse du réel*. Paris: Vrin, 2017. 376 p.
- Benoist J.** D'un sensible l'autre // *Bulletin de la société française de philosophie*. 2020. Vol. CXIV.
- Benoist J.** Pourquoi la morale a-t-elle besoin du réalisme? // *L'Ircocervo*. 2022, Vol. 21. No. 2. P. 131–145.
- Benoist J.** Le retour de la métaphysique // *Phasis. European Journal of Philosophy*. 2023a. 7. P. 197–211.
- Benoist J.** Le réalisme et la place du sujet // *Nouvelle philosophie en Allemagne et en France. Entre idéalisme et réalisme* / J. Benoist, M. Gabriel, J. Rometsch (Dir.). Paris: Vrin, 2023b. 276 p.
- Benoist J.** Der Realismus und der systematische Ort des Subjekts // *Realismus und Idealismus in der gegenwärtigen Philosophie* / J. Benoist, M. Gabriel, J. Rometsch (Hrsg.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2023c. S. 63–72.
- Benoist J.** Real Austerity // *Reading Rödl on Self-Consciousness and Objectivity* / J. Conant, J. Mulder (Eds.). London: Routledge, 2023d. P. 125–134.
- Gabriel G.** *Moralischer Fortschritt in dunklen Zeiten*. Ullstein: Berlin, 2020. 352 S.
- Miller A.** *Contemporary meta-ethics. An introduction*. Polity, 2013. 320 p.
- Pris I. E.** Contextuality of Ontology and Contemporary Physics. St. Petersburg: Aletheia, 2020. 354 p. (in Russian)
- Pris I. E.** Higgs boson, quantum strings and philosophy of physics. St. Petersburg: Aletheia, 2021. 192 p. (in Russian)
- Pris I. E.** Knowledge in context. St. Petersburg: Aletheia, 2022a. 720 p. (in Russian)
- Pris I. E.** Realism: J. Benoist vs T. Williamson // *Dialectical and methodological analysis of alternatives of societal interactions and social processes* / Giseva N. V., Savchuk E. V. (Eds.). Ust'-Kamenogorsk, 2022b. C. 197–213. (in Russian)
- Pris I. E.** Contextual quantum realism and other interpretations of quantum mechanics. M.: Lenand, 2023. 304 p. (in Russian)
- Ranalli C.** Moral hinges and steadfastness // *Metaphilosophy*. 2021. Vol. 52. No. 3–4. P. 397–401.
- Rowland R.** *Moral disagreement*. L.; N. Y.: Routledge, 2021. 258 p.
- Schopenhauer A.** *The world as will and representation*. M.: AST, 2020. 576 p. (in Russian)
- Shafer-Landau R, Cuneo T.** (Eds.) *Foundations of ethics. An anthology*. Blackwell, 2007. 516 p.

Williamson T. Unexceptional moral knowledge // Journal of Chinese Philosophy. 2022.

Vol. 49. № 4. P. 405–415.

Wittgenstein L. Lecture on ethics / E. Zamumer et al. (Eds.). Blackwell, 2014. 152 p.

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись, доктор философии (PhD), канд. физ.-мат. наук
Ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

Information about the Author

Igor Pris, Doctor (PhD) in Philosophy, Candidate of Sciences (Theoretical physics)
Leading Researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus

*Статья поступила в редколлегию 01.12.2023;
одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 01.02.2024*

*The article was submitted 01.12.2023;
approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 01.02.2024*